

«СПЕЦСНАБЖЕНИЕ» ПАРТНОМЕНКЛАТУРЫ БАШКИРСКОЙ АССР В ПЕРИОД НЭПА

*Работа представлена кафедрой регионоведения и государственного управления
Башкирского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Р. А. Хазиев

В статье изучается становление системы «спецснабжения» партноменклатуры Башкирской АССР эпохи НЭПа. Основное внимание уделено выявлению причин ее складывания, характера, масштаба и специфики в условиях национальной республики. Автор считает, что формирование системы социальных привилегий для партийной элиты носило централизованный характер, она охватывала все звенья партийной номенклатуры, распределяясь с учетом места работника в иерархии партийной структуры.

Ключевые слова: *история Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики (БАССР), НЭП, партийный аппарат БАССР, партийная номенклатура БАССР, социальное обеспечение партноменклатуры.*

N. Bublichenko

“SPECIAL SUPPLY” FOR THE PARTY NOMENCLATURE IN SOVIET BASHKIRIA DURING THE NEW ECONOMIC POLICY

The article studies the establishment of the “special supply” system for the nomenclature in the Bashkir Autonomous Soviet Socialistic Republic during the New Economic Policy. The emphasis is made on the reasons for the establishment, its character, scale and specificity in the ethnic republic. In the author’s opinion, the establishment of the social privilege system was centralised; it covered all the parts of the nomenclature and was distributed according to the hierarchy in the Communist Party.

Key words: *history of the Bashkir Autonomous Soviet Socialistic Republic (BASSR), New Economic Policy, Communist Party machinery in the BASSR, nomenclature (of the Communist Party) in the BASSR, social welfare of the nomenclature.*

Эпоха 1920-х гг., пришедшаяся на реализацию Советским государством Новой экономической политики, по-прежнему остается одной из самых популярных тем в рос-

сийской историографии. Вместе с тем целый ряд проблем еще не попадал в поле зрения отечественных историков, социологов и политологов. Одним из наименее изученных

направлений, требующих всестороннего исследования, является вопрос о «спецснабжении» партийных руководителей, особенно на периферии России.

Постановка ряда вопросов о социальном обеспечении «кремлевской партноменклатуры» в ряде трудов отечественных и зарубежных авторов [4], а также один из первых опытов иллюстративно-фрагментарной подачи фактического материала на примере Симбирской губернской организации РКП(б) начальных годов НЭПа [8], не позволяет составить целостное представление о системе льгот и привилегий, которые существовали, особенно в среде провинциального отряда партноменклатуры, и, в частности, не учитывает специфику спецснабжения в одном из крупнейших национально-государственных образований РСФСР – Башкирской АССР в 1921–1929 гг.

Появление спецснабжения в виде социальных привилегий для партийной элиты отмечено уже на ранней стадии формирования партаппарата. В 1918 г. В. И. Ленин в беседе с рабочей делегацией высказался за то, чтобы партактивисты получали дополнительный продовольственный паек [1, с. 8]. После Октябрьской революции «материальные выплаты» были дополнены высокими окладами. Постановление Совнаркома от 1 декабря 1917 г. (проект которого собственноручно написал Ленин) гласило: назначить предельное жалование народным комиссарам в 500 руб. в месяц бездетным и прибавку в 100 руб. на каждого ребенка [8, с. 105]. В какую же категорию были определены этим постановлением народные комиссары первого советского правительства? Ответ находим в записке В. И. Ленина Ф. Э. Держинскому в декабре 1917 г.: «...лица, принадлежащие к богатым классам (то есть имеющие доход в 500 руб. в месяц и выше)» [7, с. 156]. Первые лица страны, таким образом, оказались в классе богатых, который, согласно идеологии большевиков в дореволюционной России, являлся классом господствующим.

В период хозяйственной разрухи времен Гражданской войны получили распространение «спецпайки», которые согласно поста-

новлению СНК от 14 июня и от 30 ноября 1920 г. предназначались «для ответственных, незаменимых и необходимых для нормального течения работы сотрудников» центральных учреждений, находящихся в Москве*.

Принципиально ситуация не изменилась и с началом Новой экономической политики. О количестве выдачи пайков «согласно личного состава организаций» и по нормам, утвержденным ЦК РКП(б) 30 апреля 1922 г., докладывал несколькими месяцами позднее в Москву ответственный секретарь Башобкома А. И. Жеханов. В июле 1922 г. на содержание Уфимских партийных и советских органов «по разверстке» ЦК было отпущено 320 пайков на месяц. Дополнительно 5% предназначалось в качестве одноразового поощрения делегатам, проходивших в мае – июне 1922 г. республиканских партийных, а также комсомольских съездов и конференций. В ассортименте пайков, когда в республике бушевал голод, кроме мяса, молока, сахара, яиц, муки, картофеля, табака и прочих продуктов были такие «деликатесы», как кофе и мед [15, л. 5, 6, 24–25]. Кроме того, партийным работникам, которые «по служебным обстоятельствам» не смогли воспользоваться отпуском, Наркомздрав по представлению ответственного секретаря обкома должен был выделить паек, положенный на курортное лечение [15, л. 56].

Вполне понятно, что по ряду причин длительное время внедряемая в общественное сознание установка о единстве «партии и народа», приводила к мифологизации социального положения «слуг народа», которые, как это изображалось в «Очерках истории Башкирской организации КПСС», «голодая, как и все население, члены партии делились последним...» [10, с. 279].

Секретный октябрьский циркуляр ЦК РКП(б) 1921 г.** свидетельствовал, что сложилась система практических мер по улучшению материального положения членов партии, выражавшаяся «в выдаче пособий, продовольственной помощи, обмундирования, в устройстве домов отдыха, санаториев и коммунистических кооперативов и т. д.». Различные материальные блага в равной мере распространялись на губернских, уездных,

районных, волостных и сельских работников [12, с. 177].

Важным рубежом в процессе институционализации и самого партаппарата и его материального обеспечения явилось Постановление Совещания Секретарей обкомов и губкомов РКП(б), которое состоялось 29 декабря 1921 г. Оно разработало порядок финансирования, составления смет и отчетов партийных комитетов на 1922 г. Решение совещания исходило из Постановления ВЦИК № 290, опубликованного 14 октября 1921 г. в газете «Известия», и которое видело одну из важнейших задач Советской Республики в «упорядочении бюджета и связанным с ним максимальным сокращением расходов» [18, л. 24].

К Постановлению Совещания прилагались «Штаты, список губкомов по группам и номенклатура доходов и расходов». Так в партийных документах появляется понятие «номенклатура», которое позднее будет использоваться для обозначения всего «иерархического режима советской партбюрократии» [1, с. 7], но в данном контексте оно употребляется как перечень всех доходов и расходов губернских и уездных комитетов партии, в том числе содержания их личного состава: ответственных и технических работников. Предписывалось, что впредь финансирование должно производиться исключительно через финансовый отдел ЦК по представленным доходно-расходным сметам. Постановление Совещания упорядочивало расходы партии на аппарат. Не имея серьезных политических конкурентов (другие партии к этому времени были серьезно ограничены в своих действиях), большевики использовали статус правящей партии для легализации ее финансирования посредством государственного бюджетирования, так как поступления от партвзносов и других внутренних сборов были невелики и не покрывали всех партийных расходов***.

В августе 1922 г. XII партийная конференция предусмотрела принятие мер по улучшению материального положения «активных партработников». В резолюции конференции «О материальном положении ак-

тивных партработников» были определены их категории и состав. Помимо работников Центральных учреждений в составе 325 человек, было определено, что к таковым в губкомах второй группы (Башреспублика по численности членов партии входила в эту группу) относятся 17 работников, в губернских комитетах комсомола – 3 человека, уездных и районных комитетах – по 7 человек, в уездных комсомолах – по одному. Таковых по стране насчитывалось 15 325 человек [6, с. 595–596].

На основе Постановления Народного комиссариата труда и ВЦСПС «О ставках для ответственных политических, советских, кооперативных, профессиональных и хозяйственных работников» была составлена тарифная сетка оплаты партийных работников. В соответствии с ней ответственный секретарь губкома имел ставку 17-го разряда, члены губернской Контрольной комиссии – 16-го, секретари уездных комитетов и райкомов наиболее крупных промышленных центров, завотделами губкомов оплачивались по 15-му разряду, по 14-му – инструкторы губкомов, секретари укомов, секретари райкомов губернского города. К 13-му разряду были отнесены секретари ячеек фабрично-заводских предприятий с числом рабочих свыше 1000 и заведующие подотделами губкомов, завотделами укомов. В 12-й разряд – секретари ячеек на предприятиях с числом рабочих не менее 300, а также секретари волостных комитетов и сельских ячеек. Для работников сельских организаций, согласно общему положению об ответственных работниках, предусматривалось понижение ставок на 25%. В отношении сотрудников РКСМ было установлено, что они получают на 2 разряда ниже соответствующей квалификации партийного руководства [6, с. 595–597].

РКП(б) использовала государственный аппарат для наделения своих «верхов» новыми преимуществами и привилегиями. Предполагалось их обеспечить «в жилищном отношении (через местные исполкомы), в отношении медицинской помощи (через Наркомздрав), в отношении воспитания и образования (через Наркомпрос)» [3, с. 184].

Это потребовало более четкого определения функций руководящих партработников, оплаты их труда, в частности, уточнения понятия «ответственного работника».

В Постановлении Башсовнаркома по Наркомату труда «Об оплате труда ответственных работников» от 29 сентября 1922 г. объяснялось, что под таковыми «подразумеваются профессиональные партийные, кооперативные, советские, хозяйственные работники, несущие ответственность не только за техническое исполнение возложенных на них обязанностей, но и являющиеся ответственными за идейное и политическое направление и проведение возложенных на них функций». Этим же постановлением были определены населенные пункты и хозяйствующие субъекты, руководство которыми оплачивалось по ставкам ответработников в городах Уфа, Бирск, Стерлитамак, Белебей, а также в селах Давлеканово и Топорнино, заводах всего Южного Урала, а также в Богоявленском, Антониновском, Благовещенском заводах, фабриках – Белый Ключ, Нижне-Троицкой и Баймак-Таналыкском горном округе [18, л. 4].

Отсчет ставок ответственных работников Башреспублики начинался с 10-го разряда и по 17-й включительно. В денежном исчислении осенью 1922 г. они оплачивались от 8160 до 13 600 руб. Ответ работники Башобкома партии были тарифицированы с 17-го разряда по 14-й. Содержание, предназначенное ответственным работникам, в обкоме получали: ответственный секретарь, заведующие отделами и подотделами, инструкторы, секретарь контрольной комиссии, следователь и делопроизводитель контрольной комиссии [26, л. 110 об.].

Это были хорошие жалованья для того времени, но «для тех ответственных работников, которые во внеслужебное время по характеру занимаемой должности выполняли различные работы, не поддающиеся учету», устанавливалась дополнительная надбавка до 50% на их основной оклад по схеме: для 10-го разряда – 10%, для 17-го – 50% (при шаге в 5%). Постановление Наркомата труда запрещало совместительство, но оно повсе-

местно нарушалось [18, л. 4]. Платное совместительство шло по «номенклатурной» линии, благодаря широко распространенной практике включения членов обкома в высшие советские профсоюзные и другие органы и, наоборот, включения их руководящих лиц, оплачиваемых по ставкам ответственных работников, в состав обкома. Например, согласно Приказу председателя БашЦИКа Х. К. Кушаева от 16 февраля 1925 г. за № 161, семи работникам Обкома, входившим в состав членов и кандидатов БашЦИКа, предписано производить выплату содержания за счет средств, отпущенных на зарплату «по ответственным ставкам» (с уточнением: по «Московским ставкам»), в том числе: Трегубенкову Федору, ответсекретарю обкома РКП(б) – по 17-му разряду, Чиглинцеву Александру, ответсекретарю обкома РКСМ – по 15-му и др. Кроме того, еще двенадцати партийным товарищам устанавливалось «добавочное жалованье в размере 30 руб.» [25, л. 36].

Насколько широк был круг ответственных работников Башкирского партаппарата в 1922 г.? В Уфе в партийных комитетах (включая Башобком, два горрайкома и Уфимский кантком) насчитывалось 77 человек, в кантональных городах – также 77 человек, в волостях кантонов – 131 человек. Всего 285. Из них получали тарифную ставку: по 12-му разряду – 151 сотрудник, по 13-му – 65, по 14-му – 44, по 15-му – 18, по 16-му – 5 и 2 сотрудника (ответсекретарь и секретарь Президиума Башобкома) получали жалованье по 17-му разряду. В смету оплаты штатов Башобкома включались также ответработники комитетов РКСМ. Их число в Уфе (включая работников Башобкома и двух уфимских горрайкомов РКСМ) насчитывало 19 человек, в кантональных городах – 28, в волостях – 64. Всего 111 сотрудников. Ставки комсомольских вождей были ниже партийных, отсутствовали ставки высших 16-го и 17-го разрядов [18, л. 6]. Таким образом, в конце 1922 г. партийная номенклатура БССР насчитывала 396 руководящих работников. Именно они определяли идейное и политическое направление деятельности Башреспублики.

Особую роль в легализации материально-экономических льгот, предоставляемых партаппарату, с одной стороны, и относительном выравнивании уровня материального положения партработников – с другой, должны были сыграть фонды взаимопомощи. При их создании учитывался и психологический фактор: снятие очевидных противоречий между так называемыми «верхами» и «низами» партии. Фонды формировались в областных, губернских и уездных комитетах по решению Августовской партконференции 1922 г. Осуществлять эту работу должны были Комиссии взаимопомощи. Указанный фонд формировался из следующих источников: 1) из 3-процентных отчислений от сметных ассигнований парторганизациям; 2) из 50% суммы всех членских взносов; 3) из отчислений, образованных со сверхставок****; 4) специального обложения членов партии. Предполагалось, что помощь из этого фонда должна быть ограничена и «обнимать»: а) товарищей, впавших в острую нужду (больных); подвергавшихся частым переброскам и мобилизациям и т. п.; б) семьям погибших в Гражданской войне и на партийном посту товарищей [6, с. 595].

В докладе Контрольной Комиссии (КК) на 8-й Башкирской областной партконференции (май 1924 г.) отмечалось, что из фонда взаимопомощи помощь выделена 210 партийцам, «главным образом товарищам, передвигаемым по тем или иным причинам, впавшим в крайнюю нужду, товарищам, которые временно оказались безработными... и последняя категория, это больные, отправляемые на курортное лечение или другие лечебные заведения» [2, с. 34–35].

Характерно, что размер помощи, предоставляемой партийцам, обычно соотносился с размерами их окладов и товарищи с большими окладами больше нуждались во вспомоществовании.

Вместе с тем ежегодные проверки Ревизионной комиссии Башкирского обкома отмечали недостаточную и несвоевременную пополняемость фонда взаимопомощи. Октябрьский Пленум Областной Контрольной комиссии 1924 г. отмечал, что не все члены

партии выполняют постановления ЦК и ЦКК об отчислении «разницы с окладов сверх партийного максимума. Неотчисления мотивируются различными семейными обстоятельствами, болезнями и прочим». И хотя решения Пленума грозили «виновных привлекать к партийной ответственности как за неподчинение директивам партии» [28, л. 171], практика небрежения ответработников фондом взаимопомощи продолжала бытовать.

Интересные факты выявила Ревизионная комиссия, проводившая проверку в мае 1928 г. За полугодие с 1 октября 1927 г. по 1 апреля 1928 г. в фонд поступило всего 364 руб., а выдано помощи – 1843 руб., т. е. обнаружился перерасход в 1479 руб. Можно предположить, что эти суммы изымались из сметных ассигнований, так как ответработники не желали пополнять фонд взаимопомощи. «Причем деньги выдавались по единоличным разрешениям членов Комитета кассы взаимопомощи и секретарями Обкома... и эти выдачи последующими постановлениями Комитета не подтверждены... и вообще заседаний Комитета за последние полгода не было» [32, л. 8].

Характерен и другой факт. В мае 1929 г. Секретариат Стерлитамакского канткома партии просит выделить из собственных средств Башкирского обкома 350 руб. на поддержку Уполномоченного КК С. И. Измайлова для поправки его здоровья и здоровья семьи. Обком удовлетворил ходатайство и выдал денежные средства в размере 150 руб. [30, л. 213], т. е. Секретариат Стерлитамакского канткома не мог воспользоваться средствами фонда взаимопомощи канткома и Башобкома и апеллировал непосредственно к обкому. Можно полагать, что кассы взаимопомощи выполнили свою основную функцию, и само их существование становилось менее актуальным.

Апрельское циркулярное письмо ЦК РКП(б) 1923 г. расширяло перечень видов и форм помощи, предоставляемой руководящим партийцам, в том числе включением в нее членов их семей [20, л. 25].

Свой жилищный вопрос представители правящей партии на местах в соответствии с принципом «революционной целесообразности» решали беспрепятственно и оперативно.

За Уфимским Губкомом партии уже числился дом № 12 по ул. Советской со всеми надворными постройками и инвентарем [14, л. 136]. В нем, в частности, проживал ответсекретарь Башобкома Б. Н. Нимвицкий с семьей [13, л. 4]. Другие работники обкома проживали в доме № 3 по ул. Е. Сазонова [23, л. 25]. Но вскоре этих помещений стало недостаточно. Башобком в октябре 1922 г. на основе постановления XII Всероссийской партконференции предписывает заведующему Городским коммунальным отделом гор. Уфы в целях улучшения материального положения активных партработников предоставить в распоряжение Губкома партии дом № 5 по ул. Советской, выселив оттуда жильцов и произведя там соответствующий ремонт [17, л. 282]. Новому ответсекретарю Башобкома Р. А. Восканову была предоставлена квартира в доме № 49 по ул. Октябрьской революции. Сменивший его М. О. Разумов поселился в доме № 11 по ул. П. Гармонова, где проживали и другие ответработники. А в просторном и благоустроенном здании бывшего Крестьянского поземельного банка по ул. Советской, 14 резидировал Обком партии [23, л. 11, 25, 201].

Для реализации подобного решения достаточно было предписания Башобкома заведующему Городского коммунального отдела со ссылкой на постановление Всероссийской партконференции, минуя Совет и Правительство. Так, 20 марта 1922 г. Губком «просит дать квартиру в муниципальных домах для сотрудника К. Иванова и его семьи». Или: «Губком РКП предлагает экстренно предоставить комнату т. Давыдовой, жене ответработника, посланного на излечение на Кавказ» [29, л. 43, 76].

В условиях высокой инфляции первых лет НЭПа большое значение имело своевременное реагирование центральных органов партии на повышение цен и регулярное повышение тарифных ставок оплаты ответработников.

В письме руководителей БАССР в Наркомат труда СССР приводились расчеты реальной заработной платы в Башреспублике конца 1923 г. Установленный для республики

Госминимум (в условиях инфляции) увеличился с августа по октябрь 1923 г. с 420 руб. до 980 руб. (на 233%). В то же время стоимость набора продуктов увеличилась с 1534 руб. до 5078 руб. [27, л. 76–76 об.] (т. е. на 331%).

Ставки ответработников тоже были увеличены. Для сравнения: ставка ответственного секретаря Башобкома Б. Н. Нимвицкого в сентябре 1922 г. оплачивалась в размере 13 600 руб. плюс 50% надбавка, итого 20 400 руб. Ставка заведующего Общим отделом по 16-му разряду – 12 512 руб. плюс 45% надбавка, всего 18 144 руб. [22, л. 4]. В октябре 1923 г. жалование нового ответсекретаря обкома Р. А. Восканова вместе с надбавкой составило 34 841 руб. Зарплата по ставке 16-го разряда равнялась 30 128 руб. И в то же время зарплата курьера 3-го разряда, технических работников составляла 4976 руб. [26, л. 97–105]. Таким образом, жалование ответственного секретаря Башобкома за сентябрь 1922 г. – октябрь 1923 г. было увеличено на 170,8%, а заведующего Общим отделом по 16-му разряду повысилось на 166%. Следовательно, зарплата ответсекретаря обкома в октябре 1923 г. в 35,5 раз превосходила установленный Госминимум, и на нее можно было купить почти 7 наборов необходимых продуктов.

Сводка ГПУ от 21 июля 1923 г. № 30 дает представление об уровне жизни служащих Башреспублики 1923 г. Согласно ее классификации материальное положение получающих ставки с 14-го разряда и выше можно охарактеризовать как хорошее, от 10-го до 14-го разряда – как удовлетворительное и служащих, получающих ниже 10-го разряда, – ниже удовлетворительного [21, л. 63]. С этой точки зрения материальное положение парт-аппарата было хорошим, даже без учета льгот и привилегий. Кроме того, к услугам партработников предлагался спецмагазин № 3, где сотрудники обкома РКП(б), РКСМ, горрайкомов и Партклуба могли получать товары в кредит, размер которого определялся в зависимости от величины жалования [25, л. 86–87].

Во что обходилось бюджету содержание аппарата Башреспублики? Согласно смете, ут-

вержденной сметно-финансовой комиссией Башобкома на 1923–1924 отчетный год, всех расходов планировалось на сумму 545 335 руб. в червонном исчислении [24, л. 1] (т. е. приблизительно по 42 тыс. руб. в месяц****).

В эту смету в 0,5 млн руб. в червонном исчислении были включены и расходы на оздоровление партийных товарищей. Оздоровлением работников партаппарата занимались парткомы всех уровней [9, с. 12]. В апреле 1922 г. ЦК РКП(б) циркулярным письмом информировал губкомы о том, что «Наркомздрав выделил на южных курортах Республики свыше 2 тыс. коек в лучших санаториях». За Башкирской парторганизацией было забронировано 50 мест. Проезд и дорожное обеспечение отдыхающих производились за счет обкома [20, л. 17].

Впоследствии контроль этой работы возьмут на себя комиссии взаимопомощи. Согласно циркуляру ЦК от 12 апреля 1923 г., они должны были находить ресурсы и решать вопросы «об изыскании медико-санитарной помощи, помещения парттоварищей в дома отдыха, санатории, дома инвалидов и т. п.» [20, л. 25].

В свою очередь Губком регулярно просит партийные комитеты «ввиду предстоящего курортного сезона представлять список нуждающихся в курортном лечении» [14, л. 287]. В списке, представленном в Обком в мае 1922 г., мы встречаем имена членов Уфимского Губкома (Чердынцев, Колмацкий), Губисполкома, Губпрофсовета и др. [14, л. 289].

Согласно КЗоТу, «ответственные работники» имели отпуск продолжительностью в один месяц, в то время как «неответственные» граждане, равно как и технический персонал обкомов, имели отпуск в две недели [19, л. 12]. С согласия Обкома ответственные работники могли иметь удлинённый оплачи-

ваемый отпуск. Так, М. В. Котомкину (члену Президиума губкома) в июне 1921 г. был предоставлен отпуск сроком на 3 месяца*****. В сентябре 1922 г. ответсекретарю Уфимского губкома В. Г. Бисярину и ответсекретарю Башобкома А. И. Жеханову был представлен отпуск сроком в один месяц «с правом удлинения до двух месяцев» [16, л. 7].

Показательно также, что в отмеченный период особый социальный статус получали не только действующие партработники, но и уже ушедшие на заслуженный отдых. В протоколах заседаний Секретариата Башобкома с 1929 г. стали появляться прошения кантональных комитетов о назначении персональных пенсий. В протоколе № 35 от 17 июня 1929 г. есть прошение Уфимского канткома о переводе на персональную пенсию гражданина Галактионова – старого большевика с дореволюционным стажем [31, л. 23]. Таким образом, на местах представители правящей партии хорошо осознавали и воплощали de facto связь управленческого труда с получением привилегий, с распределением ресурсов и ценностей общества. Партийный аппарат в первую очередь воспользовался таким достижением социализма, как бесплатное здравоохранение и образование, бесплатные путевки в лучшие санатории и дома отдыха, бесплатные лекарства [14, л. 24]. Система «спецснабжения», скрываемая от глаз населения и рядовых членов партии, служила мощным стимулом для рекрутирования в партию карьеристски настроенных представителей рабочего класса и других социальных слоев. Все эти блага, которые могут быть отнесены к известной из советской экономической литературы категории «невидимой части заработной платы», затем были заменены выражением «общественный фонд потребления» [1, с. 277].

ПРИМЕЧАНИЯ

* Паек распространялся и на членов семьи сотрудника, совместно с ним проживающих, находящихся на его иждивении, но не более четырех пайков на семью.

** Он появился в ответ на запросы местных комитетов по вопросу улучшения материального положения членов партии.

*** По данным доклада Ревизионной комиссии 9-го созыва Башобкома на 29 октября 1925 г., партвзносы составляли 5–6% от сумм, получаемых Обкомом от ЦК [26, л. 110].

**** Заработная плата коммунистов, работавших в хозяйственных, советских, кооперативных и профессиональных органах, месячный заработок которых был выше полуторной ставки 17-го разряда, именовалась сверхставкой [6, с. 597–598].

***** На вольном рынке золотая десятирублевка расценивалась в начале августа 1923 г. в 1400 руб. [21, л. 60].

***** Котомкин М. В. – председатель Уфимского губисполкома в 1921–1922 гг. [10, с. 694; 11, л. 22].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., Советская Россия совм. с МП Октябрь. 1991. 624 с.

2. Восьмая Башкирская областная конференция РКП(б). Стенографический отчет. Уфа, 1924. Вып. 3. 63 с.

3. *Гимпельсон Е. Г.* Формирование советской политической системы: 1917–1923 гг. М., Наука. 1995. 232 с.

4. *Джилас М.* Лицо тоталитаризма / Пер. с серб.-хорв. М.: Новости, 1992. 539 с.; *Коржихина Т. Н.* Советская номенклатура // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–38; *Макаренко В. П.* Бюрократия и Сталинизм. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1989. 362 с.; *Осокина Е. А.* Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935. М.: Изд-во МГОУ, 1993. 144 с.; *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность / пер. с англ. / общ. ред. и послесл. В. С. Лельчука. М.: Прогресс, 1991. 478 с.

5. Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 151.

6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. 1898–1988. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 9-е изд., исп. М.: Политиздат. 1983. Т. 2. 1917–1922. 606 с.

7. *Ленин В. И.* Записка Ф. Э. Дзержинскому с проектом декрета о борьбе с контрреволюционерами и саботажниками // Полн. собр. соч. Т. 35. Октябрь 1917 – март 1918. М.: Госполитиздат. 1962. 599 с.

8. *Ленин В. И.* Об окладах высшим служащим и чиновникам // Полн. собр. соч. Т. 35. Октябрь 1917 – март 1918. М.: Госполитиздат. 1962. 599 с.

9. *Люттов Л. Н.* Партия правящей бюрократии в начале НЭПа. Провинция. Симбирская губернская организация РКП(б) в 1921–1923 гг. Ульяновск: Симбирская книга, 2004. 216 с.

10. Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1973. 728 с.

11. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (далее – ЦГАОО РБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 383а.

12. ЦГАОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 392.

13. ЦГАОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 416.

14. ЦГАОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 525.

15. ЦГАОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 526.

16. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 6.

17. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 536.

18. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 10.

19. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 19.

20. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 20.

21. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 27.

22. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 10.

23. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 13.

24. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 14.

25. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 16.

26. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 19.

27. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 21.

28. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 156а.

29. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 3. Д.525
30. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 15.
31. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 7. Д. 27а.
32. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 7. Д. 27б.

SPISOK LITERATURY

1. *Voslenskiy M. S.* Nomenklatura. Gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuz. M., Sovetskaya Rossiya sov. s MP Oktyabr'. 1991. 624 s.
2. Vos'maya Bashkirskaya oblastnaya konferentsiya RKP(b). Stenograficheskiy otchet. Ufa, 1924. Vyp. 3. 63 s.
3. *Gimpel'son E. G.* Formirovaniye sovetskoy politicheskoy sistemy: 1917-1923 gg. M., Nauka. 1995. 232 s.
4. *Dzhilas M.* Litso totalitarizma / Per. s serb.-khorv. M.: Novosti, 1992. 539 s.; *Korzhikhina T. N.* Sovetskaya nomenklatura // Voprosy istorii. 1993. N 7. s. 25–38; *Makarenko V. P.* Byurokратиya i Stalinizm. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1989. 362 s.; *Osokina E. A.* Ierarkhiya potrebleniya. O zhizni lyudey v usloviyakh stalinskogo snabzheniya. 1928–1935. M.: Izd-vo MGOU, 1993. 144 s.; *Taker R.* Stalin. Put' k vlasti. 1879–1929. Istoriya i lichnost' / per. s angl. / obshchaya red. i poslesl. V. S. Lel'chuka. M.: Progress, 1991. 478 s.
5. Izvestiya TsK KPSS. 1989. N 4. S. 151.
6. KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i Plenumov TsK.1898-1988. Institut marksizma-leninizma pri TsK KPSS. 9-e izd. isp. M.: Politizdat. 1983. T. 2. 1917–1922. 606 s.
7. *Lenin V. I.* Zapiska F. E. Dzerzhinskomu s proektom dekreta o bor'be s kontrrevolyutsionerami i sabotazhnikami // Poln. sobr. soch. T. 35. Oktyabr' 1917 – mart 1918. M.: Gospolitizdat. 1962. 599 s.
8. *Lenin V. I.* Ob okladakh vysshim sluzhashchim i chinovnikom // Poln. sobr. soch. T. 35. Oktyabr' 1917 – mart 1918. M.: Gospolitizdat. 1962. 599 s.
9. *Lyutov L. N.* Partiya pravyashchey byurokratii v nachale NEPa. Provintsiya. Simbirskaya gubern-skaya organizatsiya RKP(b) v 1921–1923 gg. Ul'yanovsk: Simbirskaya kniga. 2004. 216 s.
10. Ocherki istorii Bashkirskoy organizatsii KPSS. Ufa: Bashkirskoye knizhnoye izdatel'stvo. 1973. 728 s.
11. Tsentral'ny gosudarstvennyy arkhiv obshchestvennykh ob'edineniy Respubliki Bashkortostan (daleye – TsGAOO RB). F. 1. Op. 1. D. 383a.
12. TsGAOO RB. F. 1. Op. 1. D. 392.
13. TsGAOO RB. F. 1. Op. 1. D. 416.
14. TsGAOO RB. F. 1. Op. 1. D. 525.
15. TsGAOO RB. F. 1. Op. 1. D. 526.
16. TsGAOO RB. F. 122. Op. 1. D. 6.
17. TsGAOO RB. F. 122. Op. 1. D. 536.
18. TsGAOO RB. F. 122. Op. 2. D. 10.
19. TsGAOO RB. F. 122. Op. 2. D. 19.
20. TsGAOO RB. F. 122. Op. 2. D. 20.
21. TsGAOO RB. F. 122. Op. 2. D. 27.
22. TsGAOO RB. F. 122. Op. 3. D. 10.
23. TsGAOO RB. F. 122. Op. 3. D. 13.
24. TsGAOO RB. F. 122. Op. 3. D. 14.
25. TsGAOO RB. F. 122. Op. 3. D. 16.
26. TsGAOO RB. F. 122. Op. 3. D. 19.
27. TsGAOO RB. F. 122. Op. 3. D. 21.
28. TsGAOO RB. F. 122. Op. 3. D. 156a.
29. TsGAOO RB. F. 122. Op. 3. D.525
30. TsGAOO RB. F. 122. Op. 6. D. 15.
31. TsGAOO RB. F. 122. Op. 7. D. 27a.
32. TsGAOO RB. F. 122. Op. 7. D. 27b.